

Т.Л. ЛАБУТИНА

НЕУДАЧНАЯ МИССИЯ ГРАФА БЕКИНГЕМА. ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII века

Осенью 1762 г. в Петербург прибыл посол Великобритании граф Джон Хобарт Бекингем. В ту пору шла Семилетняя война (1756–1763 гг.), в которой, с одной стороны, участвовали Великобритания и Пруссия, а с другой – Австрия и Франция, к ним в 1757 г. и присоединилась Россия. В ходе боевых действий русская армия сумела нанести сокрушительное поражение Пруссии, заняв в начале 1758 г. Восточную Пруссию, включая Кёнигсберг. В сентябре 1760 г. войска вошли в Берлин. Казалось, окончательный разгром Пруссии был предreshен. Однако занявший престол после кончины императрицы Елизаветы Петровны Петр III не только остановил войну с Пруссией, но заключил с ней военный союз, в соответствии с которым русские войска должны были начать боевые действия против вчерашних союзников¹. Лишь новая императрица Екатерина II летом 1762 г. предотвратила подобное развитие событий. Императрица отказалась от союза с Пруссией, но и не возобновила с ней войну. Оставшаяся в изоляции Великобритания должна была добиваться возвращения прежнего доверия России через заключение оборонительного и торгового договоров.

Посол имел четкие инструкции Георга III. Король настаивал на продлении действия союзного договора, заключенного 4 апреля 1741 г. сроком на 20 лет императрицей Елизаветой Петровной, причем “с такими прибавлениями и изменениями, которых бы потребовали настоящие обстоятельства”. В соответствии с существующим договором Россия обязывалась в случае необходимости оказать помощь Великобритании, выделив 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конников. В свою очередь англичане обещали послать 12 военных кораблей с 700 пушками, либо выплатить России 100 тыс. ф.ст.² Поскольку срок действия договора истек, британское правительство интересовалось, какого мнения в отношении его продления будет придерживаться Екатерина II. Не менее важной англичанам представлялась необходимость пролонгации заключенного в Петербурге в 1734 г. торгового договора, обеспечивавшего “различные привилегии и поощрения”, к примеру, сохранение в силе приносившей большие доходы транзитной торговли с Персией. Неудивительно, что король требовал от посла употребить “все усилия к возобновлению вышепоименованных торговых обязательств”³. “Вы обязаны оказывать помощь и покровительство торговле наших подданных во всех владениях императрицы и наблюдать за тем, чтобы они беспрепятственно пользовались всеми

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Подробнее см.: *Булыгин И.А.* Внешняя политика России в XVIII веке. – История Европы, т. 4. М., 1994, с. 460–461; *Яковлев Н.Н.* Россия и Великобритания накануне Семилетней войны: от союза к конфронтации. – *Яковлев Н.Н.* Британия и Европа. М., 2000, с. 200–203, 207.

² *Соколов А.Б.* Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992, с. 229–230.

³ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе. – Сборник исторического общества, т. 12. СПб., 1873, с. 17–18.

торговыми привилегиями, которые им принадлежат, – наставлял посла Георг III. – Кроме того... заботиться о доставлении им новых прав и привилегий... а в случае, если у кого-либо из них возникнет процесс или вообще какое-нибудь дело, зависящее от местных властей... стараться об оказании им скорой и полной справедливости”. В то же время король не рекомендовал послу принимать жалобы от коммерсантов, “могущие наделать шум, иначе как по поводу правого дела, и имея в руках законные доказательства”, и вообще “вступать только в дела, заслуживающие вмешательства для поддержания прав и собственности британских подданных”⁴.

Помимо вопросов, связанных с пролонгацией союзного и торгового договоров, король советовал послу позаботиться получением соответствующей разведывательной информации, как-то: поддерживать “самые лучшие отношения” с министрами дружественных Великобритания держав, находящихся при дворе императрицы, пытаясь “проникать в виды и намерения их повелителей и получать от каждого из них сведения о всех делах, о которых у них будут переговоры с императрицей и ее министрами”; постоянно переписываться с британскими министрами при иностранных дворах, обмениваясь с ними сведениями, “могущими быть... полезными для ведения переговоров и успеха порученного вам дела”. Особенно важной для короля представлялась, конечно же, информация о состоянии дел в самой России: “Не забудьте постоянно сообщать нам подробности о ходе домашних дел при дворе, где вы будете находиться, о состоянии доходов императрицы, о количестве войска и флота, о политике императрицы, о ее видах и намерениях относительно общего хода дел в Европе, а особенно на севере; наконец, о внутренних партиях и волнениях, могущих обнаружиться в государстве”⁵. По возвращении на родину король ожидал от посла “подробного и полного письменного отчета” обо всем, что он заметит при дворе императрицы, “о способностях и образе мыслей ее министров, об их интересах, взаимных отношениях и несогласиях, об их расположении к иностранным государям и государствам”, а также “все вообще подробности, могущие нам дать правильное понятие о ходе дел в этом государстве”⁶.

Надо сказать, что подобные поручения британского монарха послу о сборе разведанных в стране пребывания не отличались оригинальностью: Георг III практически дословно повторял рекомендации своих предшественников, к примеру королевы Анны Стюарт⁷. Неудивительно, что британские дипломаты, следуя наставлениям монархов, часто совмещали свою профессиональную деятельность с разведывательной⁸.

Граф Джон Бекингем был готов исполнить королевский наказ и уже в одном из первых своих донесений к государственному секретарю Дж. Гренвиллю 7 октября 1762 г. сообщал: “Я постараюсь как можно скорее выслать вам верный отчет о состоянии этой страны”. При этом он сетовал, что находится “в сильном затруднении”, поскольку не имеет курьера для передачи “известий деликатного свойства”⁹.

Первую частную аудиенцию у императрицы граф получил спустя две недели. “Вся церемония была выполнена по уставу, – повествовал он. – Предъявив верительную грамоту Его Величества, я сказал по-английски приветствие, копию с которого прилагаю, и надеюсь, что оно заслужит одобрение Его Величества. Императрица отвечала мне по-русски; я просил перевод ее слов и мне его обещали. Вечером в залах дворца был большой прием и концерт. Я имел честь играть в пикет с Ее Величеством. Она много расспрашивала меня об Англии, и вообще все ее обращение со мной... было

⁴ Там же, с. 21.

⁵ Там же, с. 20.

⁶ Там же, с. 22.

⁷ Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013, с. 197–198, 221–222.

⁸ Там же, с. 196–222.

⁹ Дипломатическая переписка..., с. 41.

весьма милостиво”¹⁰. С этого момента британский посол мог приступить к своим непосредственным обязанностям.

Надо сказать, что должность посла Великобритании Джон Хобарт граф Бекингем (1723–1793) занял впервые. До этого выходец из аристократической семьи, получивший прекрасное образование в Вестминстерской школе и Колледже Христа в Кембридже, успел послужить в парламенте, где в 1747–1756 гг. представлял графство Норвич. В 1755–1756 гг. он занимал должность контролера домашнего хозяйства монарха, а с 1756 г. являлся лордом королевской спальни. Как видно из его биографии, Джон Бекингем не являлся профессиональным дипломатом, так могла ли его деятельность на поприще посла в России оказаться успешной?

Наиболее важным для правительства Великобритании в ту пору являлось заключение союзного договора с Россией. В январе 1763 г. государственный секретарь граф Галифакс, отправляя депешу послу в Петербург, напоминал, что король желал “немедленно вступить в союз с императрицей” и возобновить с этой целью оборонительные обязательства договора 1742 г. Однако императрица не спешила с заключением договора. В одном из донесений посол сообщал: Екатерина II “желает этого возобновления, но... отложила на время выполнение этой мысли... до тех пор, пока не выяснится система Европы по восстановлению общего мира”. В другом послании Бекингем извещал госсекретаря, что при личной встрече в доме графа Григория Орлова императрица заявила, что заключение подобного союза “могло бы внушить опасения прочим державам и возбудить их подозрения, на счет предмета этих сношений”. Однако в силу ее собственного расположения к Англии и уверенности ее в таковых же чувствах короля к интересам России она рассматривает этот договор “как бы заключенным”¹¹.

Как видно, Екатерина II опасалась, что немедленное заключение союза с Великобританией может повлиять на общую расстановку сил в Европе и вызвать недовольство ряда других европейских держав, прежде всего союзников по коалиции – Франции и Австрии. Об этом упоминал и Бекингем в секретном послании 25 апреля 1763 г. “Считаю долгом сообщить вам, – писал он госсекретарю, – что императрица, как кажется мне, отчасти вследствие собственной симпатии, отчасти потому, что видит в том истинную выгоду для себя, желает вступить в самые тесные отношения с Англией и с австрийским домом; она питает глубокое отвращение к французскому народу и личную обиду и неприязнь против короля прусского, однако весьма осторожна в своих отношениях с этими державами, опасаясь их интриг, которые бы могли существенно повредить ей в настоящем ее положении”¹².

Между тем Георг III продолжал настаивать на своем и даже упрекал императрицу в том, что в течение “столь долгого времени и, несмотря на усердные заявления с его стороны, ничего не было сделано по вопросу, представляющему такую важность для сохранения мира в Европе и для... общих интересов обеих наций”¹³. Чтобы Екатерина II быстрее решилась на подписание договора, госсекретарь посоветовал послу использовать канцлера А.П. Бестужева (“постарайтесь поддержать дружбу с ним”)¹⁴, полагая, что тот сможет склонить императрицу к более решительным действиям. Посол довольно быстро разобрался, как можно заручиться “дружбой” с канцлером. В одном из посланий к Галифаксу он упоминал о сетованиях Бестужева на те убытки, которые тот понес от английских крейсеров, захвативших товары, посланные ему из Франции. “Я действительно полагаю, что его просьба справедлива, – соглашался граф Бекингем, – и что исчисление потерь не преувеличено, особенно по отношению к великолепным коврам, которые совершенно испорчены”¹⁵. Не прошло и месяца, а канцлер

¹⁰ Там же, с. 47.

¹¹ Там же, с. 54, 94.

¹² Там же, с. 97.

¹³ Там же, с. 101.

¹⁴ Там же, с. 109.

¹⁵ Там же, с. 100.

уже заверял посла, что “немедленно” сообщит ему “всякое известие, могущее иметь малейшее значение для Англии”¹⁶. И в августе 1763 г. Бекингом получил от канцлера проект нового союзного договора.

В “Дипломатической переписке английских послов и посланников при русском дворе” приведены тексты двух секретных статей проекта договора оборонительного союза России с Великобританией. Первая из них касалась возведения на престол после кончины польского короля лица, “которое будет избрано обоими дворами” (подразумевалась кандидатура графа Станислава Понятовского. – *Т.Л.*). Для этой цели Георг III должен был “держать наготове в Польше значительную сумму денег и употребить ее в случае надобности для достижения общей цели”, а императрица, если события “достигнут крайности”, обещала “поддерживать оружием виды обеих договаривающихся сторон”. На короля возлагалась также обязанность покрытия общих расходов в сумме 500 тыс. рублей. Если же другие державы попытаются вмешаться и откроют “враждебные” действия против России, то королю следовало употребить “все зависящие от него средства и дружелюбные увещания, чтобы остановить таковые действия”¹⁷.

Вторая секретная статья касалась Швеции, в которой “определенные круги” были настроены против России. Императрица предлагала королю “действовать заодно” для ослабления данной партии, поддерживаемой рядом других держав¹⁸.

Указанный проект договора вызвал недовольство британской стороны. 23 сентября 1763 г. графу Бекингу пришло сообщение из Уайтхолла, в котором король расценивал ряд статей договора не только как “чуждые” интересам Великобритании, но и “могущие послужить поводом к новым несогласиям, особенно на севере Европы”. Все изменения трактата 1742 г., по мнению Георга III, “клонятся лишь к выгоде России”. Посему глава внешнеполитического ведомства Великобритании граф Сэндвич настоятельно рекомендовал послу постараться “возвратить настоящий договор как можно ближе к выражению предыдущего, за исключением тех статей, которые ниже будут поименованы и с которыми Его Величеству угодно согласиться”¹⁹.

Еще больше возмутилась британская сторона секретными статьями договора. По утверждению Сэндвича, “заключение их положительно немислимо и они ни под каким видом не могут войти в состав настоящего договора, цель которого только и единственно состоит в продолжении и укреплении старинного союза между обеими державами, Великобританией и Россией”²⁰. Сэндвич требовал от посла объяснить российской стороне, “как неблагоприятно” вступать в споры о польском престоле и подвергать это королевство “опасности войны для целей, вовсе до них не относящихся”. Ко всему прочему графу Бекингу было предложено добиваться, чтобы торговый и союзный договоры были подписаны одновременно, тогда как императрица желала, чтобы торговый договор заключили после ратификации союзного договора.

Подобная реакция британского правительства на проект союзного договора, естественно, огорчила императрицу. Особенно ее возмутил отказ короля от обязательств относительно Польши, поскольку она уже отправила в королевство войска, а затем была вынуждена их поспешно отозвать. В то же время Екатерина не оставляла надежды, что Георг III согласится на ее предложения относительно “польских и шведских дел”. 23 ноября 1763 г. посол сообщал в Лондон: глава внешнеполитического ведомства Н.И. Панин интересовался, сможет ли король Англии оказать России финансовую помощь для решения “польских и шведских дел”. Однако посол поспешил ответить, что “никак не предполагает, чтобы Его Величество согласился на подобную меру”. Он также напомнил, что после “истощения, причиненного английской казне последней

¹⁶ Там же, с. 107.

¹⁷ Там же, с. 122.

¹⁸ Там же, с. 124.

¹⁹ Там же, с. 129.

²⁰ Там же, с. 131.

войной”, невозможно ожидать, чтобы король решился на новые издержки, “особенно по делу, вовсе не касающемуся интересов его государства”²¹.

Между тем Екатерина II после смерти короля Августа III в 1763 г. продолжала предпринимать усилия, направленные на реализацию своего замысла: возвести на польский престол графа Станислава Понятовского. Об этом Бекингом в донесениях упоминал неоднократно. Он отмечал: императрица “одна между всеми государями” решается принять столь деятельное участие в деле, “не имеющем прямого отношения к ее собственным интересам”. Екатерина через Панина велела передать английскому послу, что никакой союзный договор не сможет скрепить дружбу обеих держав до тех пор, пока Великобритания не примет участия “в намерениях России на севере, и особенно в Польше”²². Императрицу не смущали также инсинуации министров Франции и Австрии, которые внушили туркам, что Понятовский женится на Екатерине II, в результате польские и русские владения составят сильный союз. “И это так сильно подействовало, – извещал граф Бекингем госсекретаря, – что Турция заявила... избрание Понятовского королем польским будет сочтено ею за объявление ей войны со стороны России”. Российским министрам пришлось употребить определенные усилия к тому, чтобы “ослабить и уничтожить дурное впечатление”, которое могли вызвать планы императрицы. В то же время Понятовскому было наказано “немедленно вступить в брак с особой, которая бы не состояла в родстве ни с какой из иностранных держав”²³. Что же касается самого графа Понятовского, то он высказывал опасения, что при возведении на польский престол ему потребуется помощь и поддержка, без которых его ждет незавидная участь. Императрица обещала своему бывшему возлюбленному “немедленно выслать сто тысяч червонцев”, а через некоторое время еще сумму, “столь же значительную”, а также взять на себя расходы, связанные с его коронацией²⁴.

Почему Екатерина столь настойчиво продвигала Станислава Понятовского на королевский престол в Польше? Только ли желая отблагодарить своего возлюбленного? Ответ можно найти в разъяснениях самой императрицы, утверждавшей, что Понятовский был выдвинут Россией в качестве кандидата на польский престол, так как “из всех претендентов имел меньше всех право на этот престол, и потому должен был быть обязан России больше других”²⁵. По-видимому, Екатерина намеревалась в будущем использовать своего протеже для укрепления российского влияния в Польском королевстве.

Узнав об избрании Понятовского королем Польши, Великобритания незамедлительно решила объявить себя сторонницей нового короля и посоветовала послу “воспользоваться первым случаем по поводу этого события”, поздравив царицу от имени Его Величества, выразив при этом, что король принимает “живейшее участие во всем, касающемся интересов ее и ее престола, столь тесно связанных с интересами Великобритании, в силу давнего и естественного союза”²⁶. Таким образом, эпопея с возведением графа Понятовского на польский престол была успешно завершена Екатериной без чьей-либо помощи. Англичанам оставалось только смириться с одержанной императрицей победой. Современный историк А.Б. Соколов подтверждал: “Британскую политику в Польше до ее первого раздела можно охарактеризовать как политику невмешательства, вполне устраивавшую Петербург”²⁷.

Еще более жаркими оказались баталии двух держав по вопросу продления торгового договора. С первых дней своего пребывания в России граф Дж. Бекингем на-

²¹ Там же, с. 145.

²² Там же, с. 161, 165.

²³ Там же, с. 175.

²⁴ Там же, с. 178.

²⁵ Цит. по: *Шишов А.* Тайны эпохи Екатерины II. М., 2007, с. 152.

²⁶ Дипломатическая переписка..., с. 179.

²⁷ *Соколов А.Б.* “Правь, Британия, морями”? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль, 1996, с. 112.

чал вести переговоры по этому вопросу с вице-канцлером князем А.М. Голицыным, однако не встретил с его стороны проявления интереса, а только “неприятную холодность”. “По моему мнению, – писал госсекретарю посол, – для нас всего лучше не входить ни в какие толки по этому предмету, а предложить составленный нами договор или сохранить старый, выговорив в нем как можно больше изменений в пользу компании”²⁸. Однако предложения посла не были услышаны. Россия предпочитала ввести ряд новых статей в договор от 1734 г.²⁹ Добившись приватной встречи с канцлером Бестужевым, посол высказал удивление по поводу того, что был предложен совершенно новый торговый договор вместо продления действия предыдущего. Он подчеркнул: эта мера рассчитана лишь на то, чтобы отнять у англичан все привилегии и льготы, “доставленные им в прежнее время справедливостью и политикой России, ниспровергая в то же время ...основные законы торговли и мореплавания”. Подобные действия, на взгляд дипломата, равняются “совершенному изгнанию из России народа, имеющего полное право на лучшее обращение”³⁰. Выслушав “весьма любезно и внимательно” пламенную речь Бекингема, канцлер заверил его, что императрица и окружающие ее лица желают поддерживать дружбу с Англией и попросил письменно подготовить возражения на этот проект, что посол и обещал незамедлительно исполнить.

Спустя неделю Бекингом навестил вице-канцлера, который сообщил ему, что императрица вполне убеждена в необходимости заключить между обеими державами новый торговый договор, и при этом поинтересовался у посла, не имеет ли он контр-проекта, который бы мог предложить взамен русского проекта. Поскольку Бекингом не решался самостоятельно принимать решение по данному вопросу, он попросил госсекретаря прежде узнать мнение короля: “Мне кажется, что нам удастся доставить некоторые льготы для иржских купцов, хотя, с другой стороны, я опасаясь, что они будут настаивать на исключении девятого пункта проекта, в силу которого веревки, матчы, корабельный лес, паруса, смола и деготь в военное время не почитались бы за контрабанду”³¹.

Как видно, англичане желали добиться от России бóльших уступок и преференций в коммерческих операциях. “Если в силу торгового договора Англии будет предоставлено право торговать с Персией, выгоды, могущие возникнуть от этого для нас, не подлежат сомнению”, – сообщал Бэкингом государственному секретарю в феврале 1763 г. И далее продолжал: “Английским купцам было бы выгодно пользоваться в Астрахани теми же привилегиями, какие они имеют в Петербурге, Архангельске и т.д. Я упомянул об этом вице-канцлеру, предложив в то же время, чтобы правительство дозволило свободную торговлю персидскими товарами в Астрахани, взимая с англичан три процента таможенного сбора лишь за товары, назначенные к вывозу через Петербург за границу”³².

Однако Екатерина II не торопилась с подписанием торгового договора, предпочитая увязать его продление с заключением оборонительного союза. Из беседы с Паниным послу стало известно, что императрица сочла невозможным приступить к торговому договору немедленно, а также “придать ему столь же выгодное значение, иначе как в случае, если Англия заявит свое расположение к теснейшему соединению своих интересов с интересами России”³³.

²⁸ Дипломатическая переписка..., с. 46.

²⁹ Подробнее о российско-британском торговом договоре 1734 г. см.: *Демкин А.В.* Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. М., 1994; *Kratova D.* British Merchants in Russia in the 18th century. – Russian-British Links, Proceedings of the Conference Held in Saint-Petersburg in 2000 and 2001. St. Petersburg, 2002, p. 115–117.

³⁰ Дипломатическая переписка..., с. 49.

³¹ Там же, с. 50–51.

³² Там же, с. 76–77.

³³ Там же, с. 164–165.

Чтобы ускорить решение вопроса о торговом договоре, Бекингом обратился к испытанному средству воздействия: подкупу влиятельных сановников. В одном из доносений в Лондон посол сообщал, что получил от канцлера Бестужева бумаги, которые содержали списки ущерба России от английских крейсеров. При этом канцлер добавил, что и сам понес “значительную потерю в виде многих ценных предметов, посланных ему из Франции”, однако не требует вознаграждения, а только докладывает об этом, “вполне полагаясь на милость Его Величества”. Кроме того, Бестужев сообщил послу, что имеет много долгов и “вследствие расстроенного здоровья не может много утомлять себя делами”. Бекингом обещал передать содержание беседы королю, а затем, просмотрев бумаги, убедился, что понесенные канцлером убытки составляют немногим более полутора тысяч, хотя сам он говорил о двух тысячах фунтов стерлингов. Тем не менее Бекингом предложил, чтобы в случае, если Его Величеству “было угодно предписать выдачу этих денег”, это произвело бы “весьма благоприятное впечатление”³⁴.

Британский посол был неплохо осведомлен о том, что сановники при дворе Екатерины “очень избалованы подарками”, а потому предлагал для успешного решения вопроса о торговом договоре “сделать подарки” не только канцлеру, но также Орлову, Панину и вице-канцлеру Голицыну. И вскоре госсекретарь Галифакс уведомил посла, что король, ждет от него более подробную информацию касательно того, какую именно сумму следовало раздать лицам, упомянутым в депеше, и в каких размерах. В том же послании госсекретарь упомянул о желании британского правительства, в случае “если невозможно получить ничего, кроме возобновления истекшего договора”, не отказываться от него совсем. Вряд ли благоразумно, продолжал он, “испрашивать у императрицы таких уступок, которые могут отозваться неудачей самого договора”³⁵.

Дискуссии по поводу предпочтений для английского купечества, закрепленных в торговом договоре, продолжились и в 1764 г. Бекингом направил Панину подробный отчет о ввозе и вывозе товаров английскими купцами в Петербург в 1763 г. “Ценность вывезенных товаров, считая таможенные пошлины и случайные расходы, простирается до 3 465 000 руб. Ценность ввезенных товаров – 910 000 руб. Баланс в пользу России – 2 555 000 руб.” – приводил доводы в пользу торгового договора посол. И далее добавлял: “Меня удивляет, что Россия, не сознавая выгод, извлекаемых ею из торговли с Англией, допускает сомнения насчет своих намерений продолжить их, предоставив купцам все прежние их привилегии”³⁶. Однако русская сторона продолжала стоять на своем: торговый договор должен быть подписан одновременно с союзным. Невозможность заключения двух договоров одновременно правительство объясняло неуступчивостью англичан. Как повествовал С.М. Соловьев, Панин и вице-канцлер Голицын обыкновенно отвечали Бекингу, что “виною медленности неподатливость с английской стороны”. Сэндвич приводил свои аргументы, объясняя, почему Англия никак не может принять пункты о Польше и Турции. “Англия не может обязаться помогать России в случае войны последней с Турцией по своим существенным торговым интересам, – утверждал он, – не может также обязаться субсидиями для польских дел, потому что казна истощена последнею войною, и таким обязательством нынешние министры возбудили бы против себя всенародный крик; а на все другие предложения императрицы в Англии охотно согласятся”. К лорду Бекингу был отправлен указ, чтобы он “всячески старался окончить оба трактата – союзный и коммерческий; если же увидит совершенную невозможность успеть в этом, то ожидал бы отзывной грамоты”³⁷.

Убедившись, что англичане не идут на уступки, Россия в марте 1764 г. заключила союзный договор с Пруссией, что обеспечило ей поддержку позиций в Поль-

³⁴ Там же, с. 70.

³⁵ Там же, с. 71–73.

³⁶ Там же, с. 165.

³⁷ Соловьев С.М. Книга XIII. История России с древнейших времен. М., 1994, с. 381–382.

ше. В результате переговоры о союзном и торговом договорах и вовсе зашли в тупик: миссия британского посла оказалась провальной. Официальный Лондон считал необходимым отозвать Бекингема, заменив его в начале 1765 г. новым послом – Джорджем Маккартни.

Если главной цели – заключения договоров с Россией – графу Бекингему так и не удалось достигнуть, то задание по сбору разведанных, поставленное перед ним королем, было им выполнено с большим успехом. В донесениях посла сохранилось немало информации о высокопоставленных сановниках, приближенных к императрице, их пристрастиях и слабостях, о самой императрице Екатерине II, о расстановке политических сил при дворе, а также о состоянии армии и флота России.

Остановливаясь на характеристике внутреннего положения страны, Бекингом подчеркивал, что страна представляется ему “в виде огромной массы горючих материалов с поджигателями на каждом углу”³⁸. Чем объяснялась подобная характеристика российского государства? На взгляд дипломата, прежде всего плохим его управлением. “Внутреннее состояние здешнего правительства представляет величайший беспорядок, и сенат издает резолюции, которые отменяются на следующий же день. Общее выражение удовлетворения и радости исчезло; а многие даже открыто высказывают неодобрение действий двора, – докладывал Бекингом в Лондон в марте 1763 г. – Императрица ежедневно оказывает Орлову новые знаки своего расположения, предпочтении ее к нему так решительно, что им оскорбляются многие лица, считающие за собой по своему сану, положению и способностям более прав на милости императрицы”³⁹. Финансовое положение страны пребывает в упадке, продолжал Бекингом. Долги не уплачены, “огромные суммы денег ежедневно дарятся или даются займы лицам, которые никогда их не внесут”. 14 июня 1763 г. Бекингом отправил в Лондон депешу с пометой “весьма секретно”: “Казна императрицы в полном истощении, даже фонд Адмиралтейства, который до сих пор был неприкосновенным, теперь растрочен... Я должен передать вам, что есть основания опасаться волнений”⁴⁰. Каждая отрасль управления, отмечал посол, имеет номинального главу, но дела не делаются почти нигде. Планы императрицы многочисленны и обширны, но совсем не соответствуют средствам, которые она может употребить. Образ жизни Екатерины представляет собой “смешение пустейших развлечений и усиленного занятия делами”, которые ни к чему не приводят⁴¹. Ко всему прочему, среди придворных зреет недовольство усилением позиций Григория Орлова. В Москве даже начались волнения. До посла доходили слухи о том, будто бы княгиня Е.Р. Дашкова “возбуждала и поощряла всех недовольных настоящим правительством”. Лица, замешанные в беспорядках, уверяли, что их цель состояла в удалении Орлова от “той особой милости, которой он пользуется”. На него смотрят “как на временщика”, все питают к нему вражду, “особенно люди, участвовавшие вместе с ним в последней революции и считающие свои заслуги выше его”. В донесении Сэндвичу в августе 1764 г. Бекингом свидетельствовал: “Усиливающаяся милость к Орлову вызывает недовольствие, которое... может иметь самые губительные последствия; в настоящую минуту он не вмешивается в иностранные дела... но во всем, касающемся внутреннего управления государством, власть его неограничена; в последнее время в обращении его появилось такое высокомерие, которое лица, помнящие начало его карьеры, переносят с худо скрытым негодованием. Забывая всякую почтительность и уважение к государыне, он относится к ней с видом человека, сознающего всю силу своего влияния и решившегося употреблять его”. Некоторые придворные из окружения императрицы говорят, что она “остаётся верна своему на-

³⁸ Дипломатическая переписка..., с. 188.

³⁹ Там же, с. 89.

⁴⁰ Там же, с. 109–110.

⁴¹ Там же, с. 126.

мерению выйти за него замуж; если она это исполнит, то неизбежно навлечет на себя погибель”⁴².

Волнения в Москве, в ходе которых гвардейцы “вызывали великого князя”, не на шутку испугали императрицу. Посол высказывал предположение: когда великий князь Павел достигнет совершеннолетия, “появятся попытки возвести его на престол и ревность матери его будет справедливо возбуждена”. Кроме того, Екатерине II известно, что “отличие к иностранцам и к их обычаям погубило покойного императора и лишило его престола”. Императрица хорошо сознает, что “главный ее недостаток в глазах народа то, что она иностранка, и потому считает своей обязанностью крепко держаться предрассудков русских, между которыми многие готовы бы были употребить все зависящие от них средства для полного изгнания иностранцев из своего государства”⁴³. Как видно, ксенофобия в российском обществе, ведущая свое начало со времен Ивана Грозного, усилившаяся в правление Петра I и Анны Иоанновны, не исчезла и при Екатерине II⁴⁴.

Не обошел своим вниманием посол также состояние армии и флота в первые годы правления Екатерины. 18 июня 1764 г. Бекингом направлен в Лондон подробный отчет, в котором сообщал: “Что касается до русской армии, считаю лишним объяснять, что кроме мародерства и опустошения неприятельской страны иррегулярные войска приносят вообще мало пользы”. Хотя посол находил отдельные успехи в российской армии (“артиллерия – лучшее войско, когда-либо виденное мною. Полевые пехотные полки хороши и в полном составе”), тем не менее в целом считал ее слабой. “Гвардия вследствие разных причин не оправдывает назначения. Кавалерия в самом дурном состоянии. Их конная гвардия гораздо ниже последнего полка Его Величества, – продолжал Бекингем. – Гвардейская артиллерия и полевые полки составляют действительную силу империи. Вследствие климата и положения... страны, а также характера ее обитателей флот ее никогда не достигнет значительных размеров; ...в настоящую минуту приготавлиются к плаванию один корабль и фрегат, на которые им удалось набрать экипаж, так как в подобном случае здесь всякий идет за матроса”⁴⁵.

Как видно из сказанного, внутреннее положение Российской империи в первые годы правления Екатерины II оставалось довольно сложным, и императрице и ее правительству понадобилось приложить немало усилий, чтобы вывести страну из кризисного состояния.

Утверждая, что российские министры не способны “управлять делами обширного государства”, Бекингем останавливался на характеристике наиболее видных из них. Прежде всего он обратил внимание на саму императрицу. На его взгляд, Екатерина II “по способностям, познаниям и деятельности стоит неизмеримо выше всех ее окружающих”. Первые наблюдения посла убедили его в том, что императрица еще не решается действовать самостоятельно и не пытается освободиться от влияния некоторых приближенных к ней лиц, “несмотря на то, что их характеры и наклонности должны внушать ей презрение”. Особым влиянием на императрицу, полагал Бекингем, пользуется К.Г. Разумовский⁴⁶. Дипломат обратил внимание на особое расположение Екатерины II к Англии “перед всеми прочими державами”. В качестве подтверждения своих слов он привел высказывание императрицы о том, что “Англия всегда будет занимать первое место в ее дружбе”⁴⁷. В секретной депеше посол извещал госсекретаря о том,

⁴² Там же, с. 177–178.

⁴³ Там же, с. 125–127.

⁴⁴ Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* “Свой” и “чужие” в имэджиологии: ксенофобия в англо-русских отношениях в XVI–XVIII веках. – Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, Рязань, 2011, № 2/31, с. 32–51.

⁴⁵ Дипломатическая переписка..., с. 169–170.

⁴⁶ Там же, с. 52–53.

⁴⁷ Там же, с. 69, 99.

что императрица “никогда не пропускает случая выразить свое расположение к англичанам и к Англии”⁴⁸.

В одном из донесений Бекингом остановился на эпизоде, связанном с просьбой императрицы о финансовом займе у британского короля. В донесении Сэндвичу от 23 ноября 1763 г. посол сообщал о визите к нему Панина, который передал просьбу Екатерины II об оказании ей “денежного пособия” в размере 600 тыс. рублей. В противном случае, заявлял сановник, заключение торгового договора на условиях, предложенных королем, становилось невозможным. В ответном послании Сэндвич сообщал: “Достоинство Его Величества не допускает, а положение его королевства не требует, чтобы король подкупал или заискивал для заключения союза, в котором Россия заинтересована, по меньшей мере, столько же, как и Великобритания”⁴⁹. Бекингом согласился с мнением Сэндвича, утверждая, что императрица считает себя единственной союзницей, на которую Англия может надеяться, и на этом основании полагает, что “от нее зависит предписывать нам какие угодно условия”.

Между тем данная история получила неожиданное продолжение. Убедившись в том, что англичане не собираются оказать финансовую помощь, императрица предложила... выплатить королю 44 тыс. рублей, которые она в свое время у него одолжила через британского посла Чарльза Уильямса. “Меня это очень поразило, – доносил в Уайтхолл Бекингом 31 марта 1764 г., – и я отвечал, что это безделица, о которой, я уверен... двор забыл и нимало не заботится, и что мне было весьма неприятно сообщать об этом именно в то время, когда переговоры между обоими дворами приняли оборот, не вполне соответствующий желаниям”. Панин, ведущий переговоры с послом, отвечал, что императрице “будет весьма жаль, если этот поступок с ее стороны будет объяснен неправильно; что, напротив, так как в то время она нуждалась в деньгах, то почувствовала всю цену оказанной ей услуги и потому навсегда сохранит благодарное воспоминание об этих первых доказательствах дружбы Англии”. Однако официальный Лондон категорически отказывался принять 10 тыс. ф.ст., предложенных в уплату суммы, выданной императрице в бытность ее великой княгиней. “Вам следует, – настаивал посол Сэндвич, – передать императрице, что королю особенно приятно воспоминание, сохраненное ею об этом деле в том отношении, что оно служит доказательством всегдашней искренней дружбы к ней Англии, но что в сущности это предмет слишком незначительный для того, чтобы ее величество заботилась об уплате”⁵⁰. Вся эта история с денежным займом, описанная Бекингом, лишний раз подтверждает, что Екатерина до своего вступления на престол не гнушалась брать деньги у короля Великобритании, обещая в будущем по возможности защищать интересы Англии⁵¹.

Чем же объяснялся отказ британского короля принять одолженные когда-то деньги Екатерине? Нам представляется, что Георг III, с одной стороны, опасался, как бы подобная история с подкупом будущей российской императрицы не стала достоянием широкой общественности, а с другой – не хотел и впредь упускать столь эффективный рычаг давления на Екатерину II. Однако, как показали последующие события, он глубоко ошибался: укрепившись на престоле, императрица больше не нуждалась в финансовой поддержке со стороны иностранной державы, а потому могла проводить самостоятельную внешнюю политику.

Определенный интерес в донесениях британского посла вызывают характеристики первых лиц, приближенных к императрице. Среди них – канцлер А.П. Бестужев, возвращенный из ссылки императрицей в 1762 г. На взгляд Бекингема, граф имел “манеры аристократа, но если когда-нибудь отличался способностями, они, должно быть, сильно притупились, и он так ослабел морально и физически, что положительно не

⁴⁸ Там же, с. 62.

⁴⁹ Там же, с. 146–148.

⁵⁰ Там же, с. 163–165.

⁵¹ Подробнее см.: *Лабутина Т.Л.* Британский посол Чарльз Уильямс и его секретная переписка с великой княгиней Екатериной Алексеевной. – Новая и новейшая история, 2014, № 4.

способен к той усиленной деятельности, которой требует его положение. Я уверен, что он не питает искренней дружбы к Англии и, если образ его действий будет нам благоприятен, руководить им будет в таком случае не лично его к нам расположение, а благоразумие или воля его государыни... Бестужев стар. Если в настоящую минуту он еще способен к занятию делами, это не может быть продолжительно”⁵².

Впрочем, Бекингом очень быстро выяснил, что канцлер охоч до денег, а потому может оказаться весьма полезным для реализации замыслов англичан. Посол нередко виделся с Бестужевым то у него, то у себя в доме, чтобы без помех вести приватные беседы. Канцлер охотно делился с англичанином секретной информацией. Так, он извещал Бекингема о просьбе Франции заключить с Россией торговый союз. Чтобы получить согласие императрицы, французы предлагали закупать в России табак и мясо, которыми запасаются в Англии и Ирландии. Бестужев доказывал англичанину, что до сих пор он этому противодействовал, но если Англия согласится на возобновление союзного договора на прежних условиях, то он и впредь будет англичанам содействовать. Опасаясь, чтобы о его тайных переговорах с британцем не стало известно при дворе, канцлер предлагал послу “выждать некоторое время, чтобы не навлечь на себя подозрения в слишком тесной дружбе” с ним. Хотя Бекингом и считал, что подобного рода соглашение невыгодно Франции (украинский табак будет стоить дорого, а мясо невозможно быстро транспортировать), тем не менее он полагал, что переговоры с французами по этому предмету могли помешать пролонгации российско-британского торгового договора, а также повлекли бы за собой “охлаждение между обоими народами”⁵³.

Получая от Бестужева секретную информацию, посол хорошо понимал, что за нее следовало платить. И хотя сам канцлер заявлял, что “его расположение к Англии совершенно бескорыстно”, Бекингом был уверен: если Бестужев окажет англичанам “существенную услугу”, за это придется расплатиться не только одной “признательностью”. Как видно, британское правительство в лице Бестужева нашло ценного союзника и важного информатора, всячески настаивая на продолжении “дружбы” посла с ним⁵⁴.

Совсем иную характеристику Бекингом дал другому влиятельному министру при дворе Екатерины – обер-гофмейстеру, руководителю внешнеполитического ведомства Н.И. Панину. Посол обратил внимание на то, что Панин пользовался особым доверием императрицы. Не случайно, именно ему она поручила воспитание “рассудительного не по летам” цесаревича Павла. Как утверждал Бекингом, Панин относится к своим обязанностям очень ответственно: наблюдает за воспитанием великого князя, почти везде его сопровождает, обедает вместе с ним и даже “помещается с ним в одной комнате”. На взгляд дипломата, Панин “кажется способнее всех русских министров для занятия первой роли”. Бекингом обратил внимание на то, что императрица порой оказывается в затруднении, кому из министров отдать предпочтение в решении наиболее сложных дел – Бестужеву или Панину, хотя и уважает последнего как человека “более честного и независимого”. Впрочем, не только Екатерина II с уважением относилась к графу. По утверждению Бекингема, “ни о ком во всем государстве не отзываются с такой высокой похвалой, как о нем и, конечно, способности его выше и сведения гораздо обширнее, чем у канцлера”⁵⁵. Между тем все иностранные министры “пребывают в недоумении”, поскольку не знают, кого считать “истинным министром” в России. “После императрицы Панин первым просматривает иностранную корреспонденцию, которая от него переходит к Бестужеву, – сообщал Бекингом, – они противоречат один другому и всем остальным; каждый из них имеет достаточно влияния, чтобы удержать Ее императорское Величество в нерешительности, но никто из них не может убедить

⁵² Дипломатическая переписка..., с. 52.

⁵³ Там же, с. 55–56, 107.

⁵⁴ Там же, с. 109.

⁵⁵ Там же, с. 48, 52, 91, 133–134.

ее принять то или другое решение”. Сам Бекингом считал Панина “благородным и честным” человеком и выражал сожаление, если тот попадет в немилость к императрице. По-видимому, личность Панина и его поведение настолько импонировали британскому послу, что даже тот факт, что французы якобы “склонили” его на сторону своих интересов, не изменили благоприятного суждения об этом человеке⁵⁶.

Среди придворных, которые могли оказать какое-либо влияние на императрицу, Бекингом, естественно, выделил Григория Орлова. В донесении в Лондон в январе 1763 г. посол сообщал: “По-видимому, главный любимец императрицы – это граф Орлов, тот самый офицер, который провожал ее из Петергофа в утро революции. Полагают, что он не вмешивается в дела государственные, однако ее императорскому величеству особенно приятно всякое внимание, ему оказываемое. Не берусь решить, что причиной такого предпочтения – симпатия или благодарность; но, во всяком случае, очевидно, что императрица желает, чтобы его отличали”. Посол обращал внимание на то, что “пристрастие” императрицы к Орлову, а также отличия, которые ему оказываются, усиливаются день ото дня. Екатерина чуть ли не ежедневно оказывает ему все новые знаки своего расположения, что, естественно, вызывает недовольство многих придворных. Наблюдая за усилением позиций Орлова при дворе, посол, хотя и предполагал, что тот “предан австрийскому дому”, все же решил войти к графу в доверие и употребить “все старания, чтобы расположить его в пользу Англии”⁵⁷. Однако из этой затеи, по-видимому, ничего не вышло, во всяком случае об Орлове в своих донесениях дипломат больше не упоминал.

Памятуя о наказе короля “вербовать” на свою сторону влиятельных сановников императрицы, Бекингом доносил в Лондон о том, что ему удалось выявить несколько лиц из числа тех, кто расположен к интересам Англии. Среди них оказался фельдмаршал Б.К. Миних, “самый отличный старик”, которого когда-либо случалось послу видеть. Повстречавшись с Бекингом, он заявил, что “уже имел честь служить на жалованье Великобритании и всегда сохранит к этой стране самое искреннее расположение”. Мог оказаться полезным англичанам, по мнению посла, и секретарь императрицы А.В. Олсуфьев, способный гарантировать интересы британского купечества при подготовке торгового договора⁵⁸. Как видно, посол пользовался любой возможностью, чтобы привлечь на свою сторону приближенных к императрице сановников и тем самым добиться выполнения задуманных планов в интересах своей страны.

Между тем таких людей при дворе Екатерины оказалось в ту пору немного. Большинство же министров, особенно тех, кто выполнял дипломатические поручения при иностранных дворах, по мнению Бекингема, были “весьма пристрастны” к французской нации, “правами, обычаями и языком которой они приучены восхищаться, вследствие данного им воспитания, и потому в силу ли этого пристрастия или просто невежества, их депеши наполнены внушениями неутомимых эмиссаров этой страны”⁵⁹. Примечательно, что к “франкофилам” Бекингом причислял не только Панина (который “совершенно на стороне французов и составляет лишь орудие в руках их министров”), но и его родственницу, ближайшую сподвижницу императрицы княгиню Е.Р. Дашкову, утверждая, что она “сильно предана интересам Франции”⁶⁰. Между тем современный историк Э. Кросс называл княгиню англоманкой, одной из тех, кто “глядел на Англию с почтением и восторгом”⁶¹. Подобное противоречие в оценках пристрастий Дашковой к той или иной европейской культуре объяснялось, на наш взгляд, довольно просто. В юности княгиня, как и большинство представителей аристократических семейств, получала французское образование, в зрелые же годы, особенно после посещения

⁵⁶ Там же, с. 90, 91.

⁵⁷ Там же, с. 70, 81, 89, 100, 110, 177.

⁵⁸ Там же, с. 42, 90.

⁵⁹ Там же, с. 159.

⁶⁰ Там же, с. 80, 113.

⁶¹ Кросс Э. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996, с. 151.

Великобритании в 1769–1771 гг., она увлеклась трудами английских просветителей и даже с некоторыми из них познакомилась лично. В “Путевых заметках” Дашкова с восторгом писала: “Англия мне более других государств понравилась. Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная их жизнь, механика, строения и сады, все заимствует от устройства первого и превосходит усиленные опыты других народов в подобных предприятиях”⁶². Как видно, культурные пристрастия княгини с годами заметно изменились: из галломанки она превратилась в англomanку.

Беспорный интерес в донесениях британского посла вызывают его высказывания о жизни обитателей екатерининского двора. Так, Бекингом довольно подробно описал празднованье масленичной недели в Москве в феврале 1763 г., на котором ему довелось присутствовать. “В одной из великолепнейших зал дворца императрицы была устроена сцена со всеми необходимыми декорациями и на ней была представлена одна из русских трагедий, – повествовал посол. – Сюжет взят из русской повести и, насколько можно судить по безграмотному французскому переводу, чувства и речи, составляющие пьесу, принесли бы честь ее автору в любой стране. Графиня Брюс выполнила главную роль с таким умом, легкостью и свободой, которые не всегда встречаются между людьми, готовившимися для сцены. Два другие характера были прекрасно изображены графом Орловым и сыном покойного фельдмаршала графа Шувалова. Наружность графа Орлова чрезвычайно замечательна”. После представления перешли к танцам, исполненным фрейлинами и другими лицами “высшей аристократии”. Оркестр состоял из любителей. Дипломат обратил внимание на то, что среди присутствовавших находилось “так много красивых женщин... что не во всякой стране можно бы отыскать их”. Бекингом удивлялся: учитывая, что изящные искусства лишь недавно стали входить в употребление в России, подобного рода представление, задуманное лишь несколько недель тому назад, было выполнено в таком совершенстве. За два дня до этого в том же театре была исполнена трагедия Вольтера “Заира”, причем все актеры, заслужили “рукоплескания”⁶³.

Насколько искренним был Бекингом, с восхищением описывая театральное представление, можно узнать из его донесения Галифаксу, отправленному спустя четыре дня после предыдущего отчета. Поскольку послу стало “достоверно” известно, что его письма вскрываются, это соображение (“хотя театральное представление действительно заслуживало похвалы”) и побудило его написать такой подробный отчет о трагедии сыгранной при дворе, так как он знал, “что императрица желала, чтобы на этот вечер было обращено внимание и рассчитывала на то”. Надо заметить, что подобная практика вскрытия почты иностранных дипломатов действительно в ту пору имела место, и об этом посла предупреждал никто иной, как граф Бестужев. Так, канцлер советовал Бекингу “быть осмотрительным” во всем, что тот посылает по почте⁶⁴. Сам же посол связывал подобную практику российских властей с обычной подозрительностью русских людей. “Непросвещенные нации, так же как необразованные люди, всегда подозрительны, – высказывал Бекингом свои соображения Галифаксу. – Русские воображают, что все иностранцы, особенно англичане, преследуют какие-либо тайные цели при всяком своем предложении”. Именно этим обстоятельством посол объяснял и свою неудачу с возобновлением торгового договора, поскольку данный документ будто бы внушал российской стороне “крайнюю осторожность в этом деле”⁶⁵. Однако в действительности, как мы могли убедиться, виной тому была отнюдь не подозрительность или осторожность русской стороны, а неуступчивость самих англичан в отношении предложений императрицы. Что же касается проявления подозрительности,

⁶² Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям. – Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете, ч. 2. М., 1775, с. 106.

⁶³ Дипломатическая переписка..., с. 78–79.

⁶⁴ Там же, с. 79, 85.

⁶⁵ Там же, с. 87–88.

то этим отличались и англичане, хотя считали себя просвещенной и цивилизованной нацией. Показательно высказывание Сэндвича о российском после в Лондоне графе А.Р. Воронцове. “В последнее время поведение графа Воронцова сильно изменилось, – писал он Бекингеу, – он не только принимает участие во всех интригах и партиях нашего государства, но даже ...сносится с людьми, наиболее восстановленными против мер Его Величества и употребляющими все усилия к тому, чтобы верным подданным короля помешать в исполнении их обязанностей. Судя поэтому, можно весьма основательно опасаться, что то, что он сообщает своему двору, не может способствовать установлению согласия и союза между Англией и Россией. Поэтому остерегайтесь всяких его действий и передаваемых им сведений”⁶⁶. Однако советы Сэндвича оказались бесполезными: Бекингеу к тому времени уже был отозван на родину.

По возвращении в Англию Бекингеу с 1776 по 1780 г. занимал должность лорд-лейтенанта Ирландии. На этом посту ему удалось сделать немало полезного для ирландского народа. Так, он добился свободной торговли, а также принятия в 1778 г. Билля о папистах, который отменял репрессивное законодательство против римских католиков и диссентеров и облегчал их положение в Ирландии. 3 августа 1793 г. граф Джон Хобарт Бекингеу скончался и был похоронен в фамильной усыпальнице в Норфолке.

Анализ российско-британских отношений в первые годы правления Екатерины II показал, что миссия графа Бекингеу завершилась неудачей не столько в силу его непрофессионализма, сколько из-за нежелания Великобритании идти на какие-либо уступки при заключении договоров с Россией. В то же время нельзя сбрасывать со счетов успехов российской дипломатии в лице самой императрицы, а также ее ближайшего окружения (Панин, Воронцов), твердо и последовательно отстаивавших интересы Отечества. И хотя союзный и торговый договоры не удалось подписать, обе стороны, как российская, так и британская, не оставляли надежды на дальнейшее продолжение переговоров.

⁶⁶ Там же, с. 149–150.